

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПОСА «АЛДАР И ЗУХРА»

Г.М. Набиуллина

г. Уфа

Резюме: Статья посвящается выявлению религиозных особенностей башкирского эпоса «Алдар и Зухра», который был обнаружен в 1961 г. в рукописном отделе Ленинградской библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в личном фонде Р.Г. Игнатьева исследователем М.Г. Рахимкуловым. Автором ставятся и решаются следующие задачи: систематизировать накопленные сведения об эпосе, определить в нем место ислама, показать противоречивость и взаимосвязь религиозных и традиционных обрядов, объяснить религиозную атрибутику и установить их функциональное значение.

Согласно первоначальному замыслу, эпос должен был рассказать об истории героизма и любви Алдара и Зухры. Возможно, принятие ислама башкирами способствовало тому, что текст произведения претерпел определенные изменения: появляются мотивы веры героев во Всевышнего, их уверенность в том, что не только мифические силы, но Аллах и его святой пророк Мухаммед помогают тем, кто в них верит и просит у них покровительства и поддержки. Таким образом, отныне исламская культура защищает жизнь как степных, так и лесных башкир от атак мифических тварей, отпугивает врагов ислама от мусульман.

С момента создания эпоса и до его широкого распространения изменилось и представление о женской красоте в народном восприятии: такие прежде считающиеся важными качества, как богатырская сила и физическое превосходство с принятием ислама поменялись на религиозность и набожность. Это, по всей видимости, было связано в целом с готовностью общества к принятию мусульманской религии либо явилось следствием последнего.

В заключении делается вывод о том, что сложные переплетения разных мировоззрений героев образуют синкретизм, что и формирует поэтику народного произведения.

Ключевые слова: эпическое произведение, Авлия, Пророк, дагуат, молитва, кыз-батыр, Пяри, степные и лесные башкиры.

Введение

Одним из самых своеобразных башкирских эпосов является «Алдар и Зухра», рукопись которого в русском переводе под названием «Мои вечера. Сказки башкирские» была обнаружена в 1961 г. в рукописном отделе Ленинградской библиотеки им. М.А. Салтыкова-Щедрина в личном фонде Р.Г. Игнатьева исследователем М.Г. Рахимкуловым. Фотокопия рукописи находится в Научной библиотеке башкирского филиала АН СССР [БНТ 1987: 514].

Набиуллина Гульнур Мирзаевна – кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, e-mail: gulgurnabiullina@mail.ru.

Эпос привлек внимание таких известных ученых, как К. Мэргэн, М.М. Сагитов, М.Г. Рахимкулов, М.А. Мамбетов [Идельбаев 1990: 387], А.И. Харисов, Г.Б. Хусаинов; отдельные его аспекты нашли отражение в работах «Об одном башкирском эпическом сказании (“Кызбатыр и Кырбатыр”» С.А. Галина, «Кузыйкурпяч», «Алдар и Зухра» М.Х. Идельбаева, «Об одной археологической иллюстрации башкирского эпоса “Алдар и Зухра”» В.Г. Котова, «Красота как гендерная характеристика» Ю.А. Ибрагимовой, «Расселение башкирских племен накануне и в период вхождения Башкирии в состав Русского государства» В.А. Иванова, «Форма брака у башкир до XVI века (по фольклорным и письменным источникам)» Ш.Н. Исянгулова, «Кузы-Курпес и Алдар и Зухра» М.Х. Идельбаева и Ф.С. Фазыловой. Тем не менее, религиозной составляющей эпоса уделено не так много внимания, она не становилась предметом специального анализа.

С учетом этого целью данной работы является выявление религиозных особенностей эпоса «Алдар и Зухра». Для достижения поставленной цели нужно решить следующие задачи: систематизировать накопленные сведения об эпосе, определить в нем место ислама, показать противоречивость и взаимосвязь религиозных и традиционных обрядов, объяснить религиозную атрибутику и установить их функциональное значение.

Эпос «Алдар и Зухра» изображает «эпоху разложения родового строя и раннего феодализма» [БНТ 1987: 24], в основе его сюжета лежит повесть о том, как дочь Кидряса Зухра, *кыз-батыр* ‘девушка-богатырь’, наделенная огромной силой, решает выйти замуж за юношу, который превзойдет ее в силе. Согласно А.И. Харисову, данный сюжет «в генезисе своем отражает традиции древнего общества, основной социальной ячейкой которого был патриархальный род с присущей ему экзогамией» [Харисов 2007: 121], где внимание сосредоточено на двух образах (*кыз-батыр* Зухра и Алдар-батыр), их судьбе и подвигах, сопровождаемых традициями исламской религии. Эпос «Алдар и Зухра» состоит из нескольких вечеров-рассказов Зухры, повествующих о ее жизненном пути после смерти мужа. «О том, что данное произведение существовало в рамках устной традиции, говорит тот факт, что структура его построена по образцу восточной сказки – сюжет в сюжете» [Котов 1999: 434]. В ход повествования Зухры вплетены рассказы Алдара, Итбая, Муйнака, Аккубака, а она, будучи вдовой Алдар-батыра, пересказывает их Аллабирде, который вместе со своим другом Елкибаем приехал свататься к ней.

Как отмечает Г.Р. Хусаинова, «основной корпус башкирских народных сказок записан в советское время. Известно, что по идеологическим соображениям при издании сказок в годы советской власти из текста максимально изымались исламские образы и мотивы. Традиционно новые явления, появившиеся в обществе, в том числе и принятие башкирами ислама, всегда находили отражение в фольклорных произведениях» [Хусаинова 2012: 1533]. Следует подчеркнуть, что если из сохранившихся башкирских произведений народного творчества в советский период были изъяты элементы, связанные с религией, то в текстах, записанных до революции, они присутствуют. В данном случае примером для нас служит переведенный на русский язык эпос «Алдар и Зухра», в котором к моменту его записи бытовали религиозные мотивы.

Как отмечают башкирские фольклористы, «“личной” обработке эпические сюжеты подвергались больше при письменном их изложении, нежели при уст-

ном повествовании. И, конечно, неслучайно. Ведь письменным изложением могли заниматься образованные люди, получившие определенное воспитание в схоластических школах мусульманского толка» [БНТ 1987: 31].

Разъясняя присутствие религиозных и мифологических мотивов в эпосе, В.Г. Котов указывает на «сосуществование какое-то время у башкир языческой и мусульманской обрядности» [Котов 1999: 435].

Вышеуказанные исследователи никак не расходятся в оценке религиозной составляющей эпоса, однако в своих работах они не придают особого значения данной проблеме. Мы считаем, что наличие исламских ценностей в эпосе обусловлено не религиозностью создателей эпоса, а готовностью пересказчика или человека, записывающего эпические тексты, к распространению ислама в обществе. На наш взгляд, в основу данного эпоса положен принцип универсализма – единство мифологии, религии и реализма. С одной стороны, обладание героев необыкновенной силой приближает произведение народного творчества к «героическим поэмам с мифологической основой» [Харисов 2007: 102], с другой стороны, отражение жизни и быта «башкирских племен, процесс их этнического развития» [Харисов 2007: 102] отдаляет его от мифологического эпоса. Действительно, «в повествовании же о богатырской девушке Зухре и степном батыре Алдаре мотивы любви и брачные состязания перемежаются с богатырскими проявлениями героев как в защите рода от нападений злых духов и соседних племен, так и в повседневной хозяйственной деятельности кочевников-скотоводов» [БНТ 1987: 24].

Зухра, которую товарищи называют *кыз-батыр* ('девушка-богатырь'), объявляет отцу: «Тот мне будет муж, кто превзойдет меня в стрельбании из лука, в борьбе и кто стащит на скаку с коня» [БНТ 1987: 356]. Подобный мотив бытует и в якутских олонхо [Данилова 2006: 150], и в адыгской сказке [Бухуров 2018: 235]. По своему мировоззрению и образу жизни героиня очень далека от идеала мусульманской женщины: из уст ее читатель узнает, что женские занятия, беседы ее не привлекают. В то же время Зухра суеверна, она считает, что все делается «не без предопределения, которое пишет на роковой доске огненной тростью бытие всех живущих на земле» [БНТ 1987: 353].

В отличие от многих мифологических эпосов башкир, в образе Зухры внимание заострено на ее необычайной физической силе, доказательством которой является победа над белым медведем, являющимся царем медведей: «Как вдруг мы увидели из леса гордо выступающего белого медведя, а за ним множество других черных, которые хотя были велики, но ему были только по брюхо. Сие новое полчище зверей, предводительствуемое белым медведем, привело в страх моих товарищей» [БНТ 1987: 358].

В этом плане Зухра отличается от героинь других эпосов: в эпосе «Урал-батыр» героиня Хумай – небесное создание, дочь солнца и царя небес Самрау, обладала женственностью, Наркасу из эпоса «Акбузат» были свойственны «черты сказочно-мифического существа иного мира» [Юлдыбаева 2014: 151]. Несмотря на то что и здесь Аллабирде и Елкибай обращают внимание на ее красоту, все же физическое превосходство Зухры выставляется на первый план: она наделена такими чертами башкирских батыров, как энергичность и решительность. После смерти мужа она не теряет выдержку, читатель может оценить ее глазами Аллабирде: «В кибитке кроме вдовы ничего не видел, и ее, может быть, считал украшением всего башкирского народа» [БНТ 1987: 350].

Мифологические и религиозные элементы эпоса

Тема борьбы батыров с демоническими существами в башкирском фольклоре имеет свою историю, в качестве примеров можно привести мифологические эпосы «Урал-батыр», «Акбузат», «созданные на основе древних мифологических представлений» [Зарипов, Сагитов 1987: 15]. В отличие от них в эпосе «Алдар и Зухра» между батырами, обладающими крепкой физической силой, и мифическими существами появляется третья ипостась – вера в Аллаха. «Все поступки и действия положительных персонажей эпоса направлены на реализацию основных идей произведения – создание семьи, защита рода и родовой территории, борьба со злом в любом проявлении, установление мира и равновесия в Среднем мире, где проживают эпические герои» [Кузьмина 2019: 20]. Жизнь, благополучие героев эпоса зависит теперь не только от их физического превосходства, но и от их религиозности. Какой бы смелой и выносливой не была Зухра, защищаться от *Пярия* (злого демона) ей помогает пятикратный *намаз* (исламская каноническая молитва).

В эпосе привлекает внимание и прорицатель, который встречается на пути Зухры, с необычным внешним видом: головой и плечами престарелого человека, тощим лицом, редкой и седой бородой, высокой шапкой на голове, вместо повивала шея его была обвита шипящими змеями, а прожил он 167 мусаль (1 мусаль = 12 лет). «Прорицателем выступает служитель языческого культа: индийский маг или шаманка Мяскай. ... На фоне всего произведения, насыщенного языческими мотивами и образами, эта часть эпоса “Алдар и Зухра” выделяется особо» [Котов 1999: 435].

По дороге батыри встречаются с *ильчи* (послом) Болгарского царя, пасущего стадо *Пярия* (злого демона), а после него встречают и самого *Пярия*. Один из братьев *Пяри*, в образе беркута, умирает от стрелы Алдара-батыра, второго Зухра не успела застрелить.

В.Г. Котов считает, «что существовало два образа крылатых существ: Сенмурва и дракон. Если образ Сенмурва был заимствован из иранской иконографии, то крылатый змей-дракон с двумя лапами и звериной мордой не встречен за пределами этого региона» [Котов 1999: 439].

В эпосе сочетаются мифологические и религиозные представления. Религия становится не только духовной поддержкой, но и физически помогает героям в победе над мифическими существами. В эпосе «Алдар и Зухра» существует неразрывная религиозная составляющая тех проблем, которые волновали тогдашнее общество: тяжбы между родами, борьба с белым князем. Все эти проблемы предстают перед героями в образе *Пяри* – мифической силы. В эпосе подробно описывается его внешний вид: «Крылатый зверь, ростом с большого быка, голову имел наподобие птицы, с кривым носом и шею длинную. Передние лапы вооружены были долгими ногтями, задние тоже. Хвост длинный, а крылья как бы у летучей мыши» [БНТ 1987: 425].

По пути к вдове Зухре Аллабирде и Елкибаю приходится сражаться с дикими зверями. «Если бы два друга не были покровительствуемы свыше, то, конечно, погибли бы от лютой их» [БНТ 1987: 345]. Очень своеобразно описана борьба батыров с *Пярием*, который в пешем положении был выше, чем всадники, «но

батыры с помощью *имана* (веры) и своего пророка избегают его ударов» [БНТ 1987: 347]. Таким образом, батыры победили Пярия, сожгли его и двинулись в путь.

От традиционных мифологических эпосов «Алдар и Зухра» отличается главным образом тем, что здесь большое внимание уделяется ценностям исламской религии. Герой эпоса Аллабирде лишается жены, трех сыновей и впадает «в печаль и уныние» [БНТ 1987: 336], и в тот самый трудный период жизни пророк спешит к нему на помощь: «В одно утро, после обыкновенной молитвы, которую, может быть, он отправил с большим умилением» в степи перед ним внезапно появился «с ног до головы вооруженный батыр; кольчуга на нем была так светла, как бы из чистого серебра сделанная, шишак был из чистой стали, на бедре висела кривая сабля, оправленная в серебро, лук натянутый и колчан со стрелами, а в правой руке длинное копьё. Сидел он на прекрасном белом аргамеке, на коем убор и седло было серебряное с бирюзой» [БНТ 1987: 336]. Батыру поручено было передать Аллабирде «волю Магомета» [БНТ 1987: 337].

В комментариях составители тома отметили, что в образе батыра был представлен Хызыр-Ильяс [БНТ 1987: 515], бытующий в фольклорном наследии тюркских народов в качестве покровителя героев, обездоленных и сирот, оказывает чудесную помощь и влюбленным. Соответствует Илье-пророку у христиан» [БНТ 1987: 503]; «в народных поверьях и суевериях Хызыр-Ильяс помогает людям в пути, в тяжелую минуту» [Хуббитдинова 2018: 163].

В главе «Вечер четвертый» Елкикай и Аллабирде встретили человека, который «лицо имел постное, бороду седую, росту большого, в длинной зеленой одежде, на голове была чалма с белым повивалом, опоясан широким поясом, на коем изображены были слова им неизвестные. В правой руке имел он длинную трость» [БНТ 1987: 340–341]. Он обращается к путникам со словами: «Куда вы едете, добрые мусульмане? ... Надобно, чтобы вы покровительствуемы были небом и святым нашим пророком, дабы проехать сии места» [БНТ 1987: 341]. Мусульманин заострил их оружие, дал кармазинные кафтаны, из чернобурок шапки, которые охраняли от смерти, напоив путников и их коней, прибавил силы. «Теперь поезжайте, – сказал им пустынный, – да будет над вами благословение отца мусульман. Батыры поблагодарили Авлию» [БНТ 1987: 344].

Всех положительных героев-батыров с образом Авлии связывает хронотоп дороги. Перед тем как выйти на дорогу, герои «призывают в помощь Магомета» [БНТ 1987: 339]. Причиной начала пути Аллабирде тоже был пророк, а когда Зухра собралась искать прорицателя, она встретила человека с посохом в левой руке, отдавшего ей свою плеть. О предстоящих опасностях на дороге батыров также предупредил «старый муж в белой одежде, в одной руке держал он посох, а в другой из крупного марьяна четки. Бороду имел длинную и, как лунь, белую. На голове тонкое белое повивало, коего один конец висел до пояса» [БНТ 1987: 421]. Алдар и батыры всегда надеются на Бога и его святого пророка. Мусульманин просит путников совершить омовение для совершения намаза. После этого он разделил четки на три части, сделал «из них ожерелье, а для коней подал три амулета. Первые велел надеть на шеи, а другие – вплести коням в гривы и сказал: “Надейтесь на Бога и его великого пророка”. ... Прикосновением посоха в горе появилось отверстие. Он вошел в оное, и гора сомкнулась» [БНТ 1987: 421–422].

В башкирской литературе тоже встречается мотив вплетения амулета в гриву коня. В поэме-эссе Т. Сагитова «Аманат» [Сәғитов 1995] жена, провожая мужа на войну, тайком от него вплетает монету-амулет в гриву коня, т. к. муж не верит в подобные вещи и от предназначенного ему амулета отказывается. В финале повести Т. Сагитова мужчина погибает, а конь его возвращается со своим амулетом. Амулет в виде монеты «в народной культуре выполняет умиловительную, отгонную и обережную функции. Обычай пришивания монеты на новую одежду с пожеланиями счастья, долголетия безусловно, отражает доисламское мировоззрение народа» [Хисамитдинова 2010: 313].

Хронотоп дороги связывает героев с конкретными топонимическими названиями: молодые, когда едут на родину Алдара, пересекают реки Дим, Уршак, Ашкадар. В рассказе Зухры упоминаются реки Уфа, Ак-Идиль, Чолман-Идиль, Яик, Сакмар, Кармасан, Чермасан, Бирь, озеро Кандра, которые связывают происшествия с конкретными географическими координатами. Место жительства Авлия старейшины связывали с горой Иремель¹, другие говорили, что он Мяскай², третьи – Пяри³, четвертые – Курязя⁴, который живет при устье Ак-Идила⁵. Как и в большинстве башкирских кубаирах, в эпосе «Алдар и Зухра» родная земля, природа Урала описана с теплотой и любовью, на ее фоне более подробно раскрывается быт и обычаи, миропонимание кочевника.

Архетип старца существует, пожалуй, во всех башкирских эпосах: в «Урал батыр» – старик, в свое время выпивший живую воду, а теперь призывающий смерть; в «Акбузат» – добрый старик Тарауыл, раскрывший секрет успеха герою-Хаубану; в «Кузы-Курпес и Маянхылу» (в переводе Т.С. Беляева) – Авлия, старец и Аксакал, посланный «от пророка» [БНТ 1987: 278]; в «Идукай и Мурадым» – наставник Хабрау-сэсэн.

В эпосе «Алдар и Зухра» Авлия изображен с особой проникновенностью, и его внешний набожный вид, и благородство, и атрибуты исламской религии, такие как посох, четки, одежда, символизируют и усиливают религиозность, хотя можно отметить типологическое сходство его с другими Авлия. Величавость облика, душевная доброта отличает его от других персонажей-батыров. В образе Авлия народ воплотил свои представления о религиозном человеке, который по статусу очень близок к пророку Мухаммеду, он внушает доверие, надежду, несет доброе начало, может разрешить все проблемы и несправедливости мирской жизни, которые не смогли преодолеть батыры Алдар и Зухра, несмотря на имеющиеся у них колоссальные физические силы. Авлия является неким религиозным символом, указывающим правильный путь, помогающим советами башкирским батырам.

Примечательно, что в повествовании мусульманин, встретивший путников, читал *Дагуат*. В комментариях *Дагуат* обозначен как «молитвенная книжка, которую мусульмане носят на себе под левой подмышкой. Они думают, что сие

¹ Иремель (башк. *Ирэмәл*) – вторая по величине вершина Южного Урала.

² Мяскай (башк. *Мәскәй*) – вампир, упырь [Хисамитдинова 2010: 226].

³ Пяри (башк. *Пәрей*) – бес [Хисамитдинова 2010: 248].

⁴ Курязя (башк. *Күрәзә*) – ворожея, гадалка, предсказатель [Хисамитдинова 2010: 161].

⁵ Агидель – самая длинная река Башкортостана, исток находится в районе горы Иремель.

деяние спасает их от болезней и злых сил» [БНТ 1987: 516]. В мифологическом словаре Ф.Г. Хисамитдиновой и в словаре башкирского языка *дауат* обозначает «женский нагрудник», имеющий «обережную силу» [Хисамитдинова 2010: 84]. Одно из значений слова *дагуат* в толковом словаре дается как «молитвенник», «амулет» [Словарь башкирского языка 1993: 300].

Из беседы с доктором филологических наук З.Я. Шариповой мы выяснили, что книга *Дагуат*, народное название *дауат* (без гортанного арабского айна ɣ, зачастую переходящего при заимствовании в *г* или *хамзу* – Г.Н.), действительно была частью жизни мусульман Бурзянского района, мать З. Шариповой носила ее с собой в кожаной сумке⁶. В собранных нами полевых материалах в деревнях близ озера Аслыкуль, также имеется информация, что башкиры в этих краях носили с собой молитвенную книгу *Дагуат*, некоторые зашивали в одежду. В эпосе «Алдар и Зухра» девушка по имени Гульбика также носила при себе книгу *дагуат*, подаренную ее матери одним святым мужем. Мы считаем, что упомянутая в эпосе молитвенная книга *Дагуат* (Да'уат) может быть сопоставлена с книгами «Ад-Да'уат аль-Кабир» (Большая молитвенная книга) и «Ад-Да'уат уас-Сагир» (Малая молитвенная книга) Имама аль-Байхаки (384–458 по хиджре)⁷.

В эпосе «Алдар и Зухра» религиозная атмосфера охватывает все уровни жизни героев: начало дня описывается с подготовки воды для омовения, за которым всегда следует молитва; Аллабирде и его друг Елкибай начинают свои дела с «благодарной молитвы» [БНТ 1987: 337], они всегда находятся в молитвенном состоянии и по возможности повторяют, что им покровительствует отец мусульман. Будущий муж Зухры Алдар услышал о ее подвигах не от кого-нибудь, а от Хазрата (уважительное обращение к человеку с высоким религиозным статусом в исламе), который приехал в гости. И в поисках ее Алдар приезжает к лесным башкирам. Встречается с Зухрой, переодетой в мужскую одежду, и принимает ее за молодого батыра.

Быт героев пронизан мусульманскими религиозными традициями. Родители Зухры и ее односельчане не пропускают пять намазов. Время в эпосе также представлено в религиозном измерении, это становится наиболее очевидным, когда отец Зухры собирает джиин⁸: гости сообщают, что ближние приедут около *Өйля-намаз* (полуденная молитва), дальние – к *Икенде-намазу* (молитва перед заходом солнца). Зухра и ее отец Кидряс знакомят Алдара с башкирскими батырами Итбай, Чюрюбай, Муйнак, Кушбай, Балтас, приехавшими из разных уголков. При встрече они приветствуют друг друга словами: «Добрые мусульмане!»

В эпосе описания повседневной жизни дополнены религиозными событиями, связанными в первую очередь с традиционным исламом: душевное единение героев было скреплено *никахом* (мусульманским браком), путники с молитвой режут оленя, мясо его отдают просящей птице, отдают в качестве милостыни. Выражение, что впереди «будут еще большие препятствия, кои с помощью великого пророка нашего мы преодолеем» [БНТ 1987: 340], определяет место и роль рели-

⁶ Из личной беседы с З. Я. Шариповой.

⁷ URL: <https://darulfikr.ru/articles/biografija-imama-al-bajhaki> (дата обращения: 20.03.2021).

⁸ Джиин – народные летние праздники с разными играми, скачками, призами. <http://mfbl2.ru/mfbl/bashrus>.

гии в жизни героев. Аллабирде и Елкибай узнали от мусульманина, что намерение жениться Аллабирде на вдове Зухре «благословляет пророк», который послал его к ним навстречу, велел угостить и дать совет: «К мужеству вашему присоедините и вы молитвы, предписанные, а сим и истребить все препятствия, вам встречающиеся» [БНТ 1987: 343].

Кроме того, на Зухре хотят жениться два брата Пярии. Здесь можно провести параллели между башкирским эпосом «Алдар и Зухра» и бурятскими эпосами, в которых также имеется «мотив сватовства к деве-богатырке нежеланного жениха» [Николаева 2012: 153]. Как отмечает Н.Н. Николаева, «героиня либо убивает мангадхая в поединке, либо избегает замужества при помощи чудесных помощников и далее вступает в брак с подходящим женихом» [Николаева 2012: 153]. Действительно, подобно бурятским девам-богатыркам, Зухра «на прелести их не соглашается и очарование их разгоняет пятью молитвами» [БНТ 1987: 343]. Достоинства и поведение героини оценивается Елкибаем с позиции религии: она – «истинная гурия на земле», выполняет пятикратный намаз и не болтлива.

Подробно о втором женихе – Аллабирде – читатель вместе с Зухрой узнают от Елкибая, который сватает его к Зухре: «в советах он мудр, а в разборах ссор наших справедлив» [БНТ 1987: 352]. Герои эпоса свои слова и мысли всегда связывают с пророком Мухаммедом. Елкибай говорит: «Утешься, великий наш пророк приготовляет тебе награду за них, не только в сей, но и в будущей жизни» [БНТ 1987: 352].

Очень красочно описывается быт башкир на фоне встречи Алдара и Зухры: весть пастухов о нападении на стадо медведей переключает внимание героев на охоту, после него собрание джиина, скачки, приезд гостей, желание одного из гостей по имени Муйнак жениться на Зухре без ее согласия, борьба батыров, победа Алдара, благодарность аксакалов. Аксакалы радуются, что это не просто победа, а защита их дочерей от насилия, и просят Кидряса, чтобы он отдал свою дочь за Алдара. Отец девушки уверен, что она не поступит против воли его и «гласа народного» [БНТ 1987: 403].

Алдар, как благородный батыр, выполнил все условия, поставленные будущей невестой, и стащил Зухру с коня, тем самым завоевав право жениться на ней. Отец Зухры, сам благословляя молодых, просит благословения «Всевышнего и великого пророка» [БНТ 1987: 406]. Зухра, подобно бурятской деве-богатырше, «выходит замуж за богатыря из дальних земель и уезжает вместе с ним» [Николаева 2005: 307].

Традиция обмена дарами сближает героев, разрушает вражду. Путники во время встречи с Муйнаком, когда-то претендующим стать женихом *кыз-батыра*, обмениваются подарками. Как отмечает Р.Р. Баязитова: «Обмен подарками, будучи одним из способов регулирования отношений внутри социума, встречается в повседневной жизни, календарных и семейных обрядах башкир, обычае гостеприимства и в других ситуациях общения» [Баязитова 2013: 264–265].

Муйнак указывает, что перед ними два пути, один – короткий и опасный, где живет Пяри, другой – длинный, но безопасный. Алдар выбирает первый путь и хочет избавить страждущих мусульман от злодейства Пярии. Основной конфликт эпоса составляет столкновение батыров с Пяриями на фоне бытовых эпизодов. Другие батыры на праведном пути, например, Байегет говорит: «Святой

наш пророк защитит всякого мусульманина, закон его проповедующего» [БНТ 1987: 420].

После смерти Пярия перед батырами предстоял выбор: идти за богатством или освободить пленных, они выбирают второй путь. Батыры совершают подвиги не только с помощью своих физических сил, как это бывает обычно в богатырских эпосах, здесь сам Аллах посылает им свою помощь.

Немаловажное значение имеет в эпосе мотив сна. «Вещий сон герои башкирских эпосов видят обычно в наиболее критические, ответственные моменты своей жизни, когда судьба “близка”» [Аминев 2013: 120]. Так случилось и с такими героями, как Мряс, Гюльбустан и Тансылу.

После освобождения пленных от рабства Пярия в жизни героев снова появляется Авлия: прочитав молитвы, он произносит свои назидания, рассказывает о предопределенности судьбы при рождении, предсказывает им будущее. Пленницы-женщины все оказались мусульманками. Их радость заключалась в том, что они были спасены Алдаром и Зухрой, освободителями – избранниками Всевышнего.

Характерная деталь – *арслан* ‘лев’ (мотив приручения льва Урал-батыром фигурирует в эпосе «Урал-батыр»), который во время драки с крылатым джиланом, получив поддержку от Аккубака, провожает героя до хребта Уральских гор.

Таким образом, если за этим и другими эпизодами кроется глубокая связь эпоса с мифологическими воззрениями народа, то такие атрибуты как посох, четки, дагуат усиливают религиозный акцент произведения.

Заключение

Распространенный в фольклоре многих тюркских народов мотив выбора *батыр-кыз* ‘девушкой-богатырь’ себе мужа в башкирском эпосе «Алдар и Зухра» решается с помощью образа Зухры, наделенной невероятной физической силой. Если в начале повествования *батыр-кыз* носит мужскую одежду, окружена батырами и далека от религии, то встреча с Авлией, замужество, смерть мужа и сына постепенно отдаляют ее от богатырских подвигов, в жизни героини начинают появляться религиозные мотивы. В начале повествования о принадлежности Зухры к мусульманской вере свидетельствуют лишь ее пятикратное совершение намаза и суеверие. Сложность и противоречие для нее проявляется еще и в том, что в мусульманской культуре у женщины на первом плане стоит не физическая сила, а смиренность, праведность, преданность мужу и семье.

Зухре, Алдару, Аллабирде, а также остальным персонажам эпоса приходится пройти нелегкий путь к своему счастью. По замыслу эпос изначально должен был рассказать об истории героизма и любви Алдара и Зухры. Возможно, с принятием ислама он претерпел определенные изменения: у героев появляется вера во Всевышнего, уверенность в том, что не только мифические силы, но Аллах и его святой пророк Мухаммед помогают тем, кто в них верит и просит у них кровительства и поддержки.

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что сложные переплетения разных мировоззрений героев образуют синкретизм, что и формирует поэтику народного произведения. С момента создания эпоса и до его распро-

странения изменилось представление о женской красоте: ранее такие важные качества, как богатырская сила и физическое превосходство, с принятием ислама поменялись на религиозность и набожность. Это, по всей видимости, было связано в целом с готовностью общества к принятию религии либо явилось следствием последнего.

Литература

- Аминев 2013 – *Аминев З.Г.* Эпос «Урал батыр» и мифология башкир. – Уфа: ДизайнПресс, 2013. – 160 с. {*Z.G. Aminov.* Epic «Ural-batyr» and Bashkir Mythology. – Ufa: DizaynPress, 2013. – 160 p.}
- БНТ 1987 – Башкирское народное творчество. Т. 1. Эпос / под ред. *Н.Т. Зарипова.* – Уфа: БКН, 1987. – 544 с. {*Bashkir Folk Art. Vol. 1. Epic / ed. by N.T. Zaripov.* – Ufa: BKN, 1987. – 544 p.}
- Баязитова 2013 – *Баязитова Р.Р.* Традиционный обмен дарами в фольклоре башкир // Вестник Чувашского университета. – 2013. – № 4. – С. 264–269. {*R.R. Bayazitova.* Traditional Exchange of Gifts in the Folklore of Baskirs // Bulletin of the Chuvash University. – 2013. – No. 4. – PP. 264–269.}
- Бухуров 2018 – *Бухуров М.Ф.* Образ женщины-богатырши в историко-героическом эпосе адыгов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 9 (87). – Ч. 2. – С. 233–236. {*M.F. Bukhurov.* The Image of a Woman-Hero in the Historical and Heroic Epic of Adyghes // Philological Sciences. Questions of Theory and Practice. – 2018. – No. 9 (87). – Vol. 2. – PP. 233–236.}
- Данилова 2006 – *Данилова А.Н.* Эпосы о женщинах-богатырках // Наука и образование. – 2006. – № 4. – С. 149–151. {*A.N. Danilova.* Epics about Women-Heroes // Science and Education. – 2006. – No. 4. – PP. 149–151.}
- Идельбаев 1990 – *Идельбаев М.Х.* «Кузыйкурпач», «Алдар и Зухра» // История башкирской литературы. – Уфа: Китап, 1990. – С. 385–404. {*M.Kh. Idelbayev.* «Kozykorpesh», «Aldar and Zukhra» // History of Bashkir Literature. – Ufa: Kitap, 1990. – PP. 385–404.}
- Котов 1999 – *Котов В.Г.* Об одной археологической иллюстрации башкирского эпоса «Алдар и Зухра» // Stratum plus. – 1999. – № 5. – С. 431–444. {*V.G. Kotov.* About One Archaeological Illustration of the Bashkir Epic «Aldar and Zukhra» // Stratum plus. – 1999. – No. 5. – PP. 431–444.}
- Кузьмина 2019 – *Кузьмина Е.Н.* Отражение архетипических моделей в «loci communes» героических сказаний народов Сибири // Сибирский филологический журнал. – 2019. – № 2. – С. 18–26. {*E.N. Kuzmina.* Reflection of Archetypical Models in «Loci Communes» of Heroic Epics of the Peoples of Siberia // Siberian Philological Journal. – 2019. – No. 2. – PP. 18–26.}
- Николаева 2005 – *Николаева Н.Н.* Образы чудовищ-мангадхаек и женщин-богатырш в героическом эпосе бурят: функции, семантика и поэтика: дисс. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2005. – 350 с. {*N.N. Nikolaeva.* The Images of Mangadkhay She-Monsters and Women-Heroes in the Heroic Epic of the Buryats: Functions, Semantics and Poetics: Ph.D. diss. abstract. – Ulan-Ude, 2005. – 350 p.}
- Николаева 2012 – *Николаева Н.Н.* Алгоритм действий эпической героини-богатырки (на материале героического эпоса бурят и якутов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7 (18). Ч. 2. – С. 151–154. {*N.N. Nikolayeva.* Algorithm of Actions of the Epic She-Vogatur Heroes (Based on the Material of the Heroic Epic of Buryats and Yakuts) // Philological Sciences. Questions of Theory and Practice. – 2012. – No. 7 (18). P. 2. – PP. 151–154.}
- Словарь башкирского языка 1993 – Словарь башкирского языка. В 2 т. Т. 2 / под ред. *А.Г. Башиева, З.К. Ишмухаметова, З.Г. Ураксина, У.М. Яруллиной.* – М.: Русский язык, 1993. – 862 с. {*Dictionary of the Bashkir Language. In 2 vol. Vol. 2 / Ed. by A.G. Baishev, Z.K. Ishmukhametov, Z.K. Uraksin, U.M. Yarullina.* – Moscow: Russkiy yazyk, 1993. – 862 p.}
- Харисов 2007 – *Харисов А.И.* Литературное наследие башкирского народа (XVIII–XIX вв.) / пер. Р.Б. Ахмедова. – Уфа: Китап, 2007. – 344 с. {*A.I. Kharisov.* Literary Heritage of the Bashkir People (XVIIIth–XIXth Centuries) / transl. by R.B. Ahmedova. – Ufa: Kitap, 2007. – 344 p.}
- Хисамитдинова 2010 – *Хисамитдинова Ф.Г.* Мифологический словарь башкирского языка. – М.: Наука, 2010. – 452 с. {*F.G. Khisamidinova.* Mythological Dictionary of the Bashkir Language. – Moscow: Nauka, 2010. – 452 p.}
- Хубитдинова 2018 – *Хубитдинова Н.А.* Башкирский народный эпос в художественной интерпретации в русской литературе XIX века: культурологический аспект // Филология и человек. –

2018. – № 3. – С. 156–164. {*N.A. Khubbitdinova*. Artistic Interpretation of the Bashkir Folk Epic in the Russian Literature of the XIXth Century: Cultural Aspect // *Philology and Human*. – 2018. – No. 3. – PP. 156–164.}
- Хусаинова 2012 – *Хусаинова Г.Р.* Башкирская народная сказка и ислам // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. № 3 (I). – С. 1533–1535. {*G.R. Khusainova*. Bashkir Folk Tale and Islam // *Bulletin of the Bashkir University*. – 2012. – Vol. 17. – No. 3 (I). – PP. 1533–1535.}
- Юлдыбаева 2014 – *Юлдыбаева Г.В.* Башкирский мифологический эпос «Акбузат» // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Вып. 91. – 2014. – № 16 (345). – С. 150–155. {*G.V. Yuldybayeva*. Bashkir Mythological Epic «Ak buzat» // *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Study of Art*. – Issue 91. – 2014. – No. 16 (345). – PP. 150–155.}
- Сәғитов 1995 – *Сәғитов Т.Б.* Аманат. Поэма-эссе. – Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1995. – 176-сы б. {*T.B. Sägitov*. Amanat. An Essay Poem. – Ufa: Bashkortostan book publishing house, 1995. – 176 p.}

Religious features of the epic «Aldar and Zukhra»

G.M. Nabiullina

Ufa

Summary: The article is devoted to the identification of the religious features of the Bashkir epic «Aldar and Zukhra», which was discovered in 1961 by M.G. Rakhimkulov in the manuscript department of the Saltykov-Shchedrin Leningrad Library in R.G. Ignatyiev's personal collection. The author raises issues regarding the systematization of the yet collected data on the epic, determination of the place of Islam in this folklore work, contradictoriness and interrelation of religious and traditional rites, explanation of religious symbols, as well as determination of the functional meaning of the latter.

According to the original intention, the epic should be devoted to the heroism and love of Aldar and Zukhra. Very possibly, the adoption of Islam provoked some changes in the text of epic: the reasons of faith in God, the belief not only in pre-Islamic mythical powers, but also in Allah and Muhammad, His Prophet and that they can help everybody, who believes and asks for support and protection. Thus the Islamic religion protects the life of the steppe and forest Bashkirs from the attack of mythical creatures, scares the enemies of Islam out of Muslims.

Since the creation of the epic and before its distribution, the concept of female beauty has changed: previously, the most important qualities as physical superiority with the adoption of Islam is undergoing changes. This, apparently, is also connected with the willingness of society to accept religion, or just reflects the consequences.

The author concludes that the complex interweaving of different worldviews of the characters generates a syncretism, which forms the poetics of the folk work.

Key words: epic, Avliya/Auliya, Prophet, daguat/da'wah, prayer, Kyz-Batyr/Qyz-Batyr, Pyari/Peri, steppe and forest Bashkirs.

Gulnur Mirzaevna Nabiullina – Ph.D. in philology, assistant professor, M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University, e-mail: gulnurnabiullina@mail.ru.